

А ЗВОН ТОТ ПАМЯТИ ХРАНЮ

Давненько округ не слышно колокольного звона. Мне повезло, знаком с ним с детства. Может быть, жители деревни Худяшово были счастливей других, потому что там уцелела церковь. А у соседей, в Драченине, в гражданскую сожгли ротонды.

Хорошо помню, как поднимали и ставили крест на купол храма. Вся площадь у церкви была забита людьми не только нашей деревни, но и близлежащих. Где-то у купола был подвезан блок, через него пропущена толстая длинная веревка. За один ее конец привязали крест, там же сидел человек, ноги у которого были связаны полотенцем. Десятка полтора дюжих мужиков потянули за один конец веревки, а другой, где крест и мужик, держали анатяжку. Человек постоянно крестился, произносил слова молитвы. Народ, затаив дыхание, следил, как крест и человек плывут в высоту. Когда человек встал на купол и установил крест, все вздохнули с облегчением, а потом захлопали в ладоши. Настоящий праздник. Заблаговестили колокола, запел хор певчих. Это длилось минут пять.

А еще через некоторое время колокола (их было не менее десяти) ударили во всю мощь. Батюшка вышел из церкви, за ним хор и прямо на улице началась служба. Всех церковь вместить не могла.

Этот звон врезался в мою память на всю жизнь.

Открытие церкви стало событием. В ней собиралось много верующих и молодежи. Одни шли, чтобы помолиться, другие, побыв там некоторое время для приличия, отпраплялись на игрища в деревню.

Во времена сталинщины взгляды районной и местной руководящей верхушки сильно изменились по отношению к верующим. Коммунисты, комсомолцы, активисты стали агитировать против церкви и ее служителей. В престольный праздник в Драченине был зверски убит священник. С церкви сняли несколько колоколов.

Как-то во время всенощной, не то в 32-ом, не то в 33-ем году, активисты метрах в тридцати от храма поставили макет церкви и, когда батюшка с хором певчих и прихожан обходил храм, активи-

сты подожгли макет и орала во все глотки "Интернационал". Играла гармонь, пляски, непристойные выкрики. Дикари веселились до утра.

По соседству с нами жила семья Мешаниных. К ним из Ленинграда приехала в гости сестра жены, было ей лет 17—18. Как-то пригласила она меня пойти в воскресенье на рыбалку. Я согласился. На следующее утро чуть свет отправились с ней на Иню. Закинули удочки. Рыбешки не заставили себя ждать. Один за другим стали вытаскивать окуньков, ершей, ельцов. Время летело быстро. Но вот как-то сразу клев прекратился. Я посмотрел на противоположный берег. Посмотрел и не мог налюбоваться. На той стороне, из-за лесочка, всходило солнце. Его лучи, коснувшись тихой глади реки, ударили мне в глаза, побежали вдаль по лугам. Почти одновременно с этим разнесся звон единственного оставшегося на церкви колокола. Мелодичный звон его понесся по речке, лугам, чтобы достичь окрестных деревень и известить людей, что сегодня будет служба.

Я сидел замороженным, радуясь хорошему началу дня и этому звону.

Вдруг колокол смолк, будто язык его прилип к стенке и никакая сила не может оторвать. Стало тихо. Мне показалось, что и солнце меньше излучает тепла. И такая тоска сдавила мое сердце, что я, смотав удочку, не попрощавшись со своей спутницей, побрел домой. А по дороге думал, почему так неожиданно перестали звонить.

И, действительно, язык колокола прилип к стенке навсегда. Потому что в то утро активисты деревни сняли колокол. Да не просто сняли, а обрубив веревки, державшие его за брус, и он на глазах у людей рухнул на землю.

После сбросили и крест. Купол же разобрал какой-то умник, добывавший там мед от поселившихся пчел. Некоторое время здание церкви пустовало, поскольку священника Конькова забрали как врага народа. А врагом он стал потому, что нес этому народу слово божие, веру в доброту. В войну нашу церковь превратили в клуб, а потом сломали и куда-то свезли.

А. ПАУТОВ,
п. Петровский.